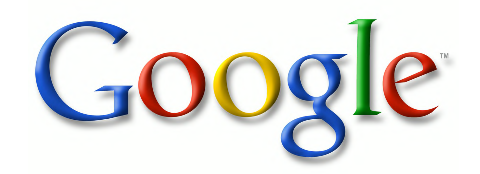
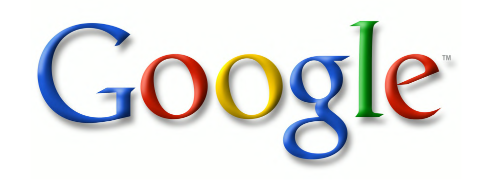
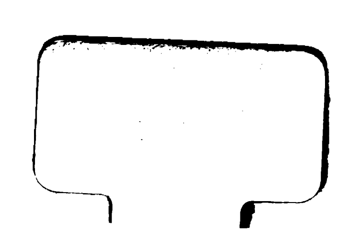

Google

Кончина Александра Сергѣевича Пушкина.

Кончина Александра Сергѣевича Пушкина.

составилъ
его племянникъ
Левъ Павлищевъ.

С.-Петербургъ.
Изданіе П. П. Сойкина, Стремянная, 12.
1899.

Дозволено цензурою. Спб., 23 Іюня 1899 г.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

КОНЧИНА
Александра Сергѣевича Пушкина.

«Человѣкъ яко трава,
днiе его яко цвѣтъ сельный тако отцвѣтетъ, яко духъ пройде въ немъ, и не будетъ, и не познаетъ къ тому мѣста своего»...
Псаломъ 102.

Наша литература обильна повѣствованiями о насильственной кончинѣ родного брата матери моей, Ольги Сергѣевны Павлищевой,—достославной памяти Александра Сергѣевича Пушкина.

Пушкинъ принадлежитъ всей читающей Россiи, а тѣмъ болѣе своимъ ближайшимъ кровнымъ

роднымъ, оплакивающимъ его безвременный конецъ.

Многочисленные разсказы о причинахъ его поединка съ Дантесомъ-Гекереномъ основаны на данныхъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ, но такъ какъ всякая подробность, касающаяся кончины моего дяди, представляетъ для каждаго русскаго несомнѣнный интересъ, то предаю гласности настоящее мое изслѣдованіе, на основаніи имѣющихся у меня бумагъ, къ числу которыхъ между прочимъ относятся: 1) письма моей матери къ ея отцу, Сергѣю Львовичу Пушкину; 2) письма прочихъ ея знакомыхъ и родныхъ, и, наконецъ, 3) мой собственный рукописный дневникъ, куда я заносилъ мои бесѣды какъ съ моей матерью, такъ и со вдовой поэта—

Натальей Николаевной — по второму браку Ланской,—и съ его современниками-друзьями, покойными: княземъ П. А. Вяземскимъ, П. А. Плетневымъ, Ф. Ф. Вигелемъ, С. А. Соболевскимъ, княземъ В. Ф. Одоевскимъ, Я. И. Сабуровымъ и другими.

Часть моихъ воспоминанiй о моемъ незабвенномъ дядѣ, подъ заглавiемъ «Изъ семейной хроники», появилась въ 12-ти книжкахъ «Историческаго Вѣстника» за 1888 годъ, и вышла отдѣльнымъ изданiемъ въ Москвѣ, въ 1890 году («Воспоминанiя объ А. С. Пушкинѣ»). Вторая часть «Хроники», въ томъ же 1890 году появилась въ «Русскомъ Обозрѣнiи», тоже въ Москвѣ, и, наконецъ, третья—въ «Русской Старинѣ», въ сентябрьской книжкѣ 1896 года.

Затѣмъ и это критическое изслѣдованіе тоже не колеблюсь предать гласности, при чемъ долженъ сознаться, что мнѣ было не въ примѣръ тяжелѣе, чѣмъ всякому другому біографу Пушкина, писать о поединкѣ роднаго брата моей матери: онъ для меня не столько первоклассный геній, сколько ближайшій, кровный родной. Тѣмъ не менѣе излагаю какъ нельзя безпристрастнѣе разобранное мною дѣло, въ которомъ, по выраженію покойнаго друга поэта, князя Петра Андреевича Вяземскаго, многое «оставалось темнымъ и таинственнымъ».

I.

Извѣстіе о кончинѣ Пушкина. — Положеніе сестры его Ольги Сергѣевны Павлищевой, и взглядъ ея на это событіе. Положеніе отца поэта. — Ложные слухи.

Мученическая, безвременная кончина незабвенной памяти моёго дяди Александра Сергѣевича Пушкина, поразивъ всю Россію, нанесла ужасный ударъ какъ очерненной великосвѣтской молвой безвинной его супругѣ, такъ и его отцу, равномѣрно и отсутствовавшимъ въ роковые дни се-

стрѣ и брату—Льву Сергѣевичу Пушкину.

Сестра поэта,—моя мать Ольга Сергѣевна Павлищева,—была въ Варшавѣ, Левъ Сергѣевичъ сражался на Кавказѣ, а Сергѣй Львовичъ Пушкинъ гостилъ у зятя своего, Матвѣя Михайловича Сонцова, въ Москвѣ, послѣ кончины жены,—Надежды Осиповны,—умершей за 10 мѣсяцевъ до катастрофы. Дѣдъ мой узналъ о смерти сына въ половинѣ февраля 1837 года, какъ видно изъ письма къ нему В. А. Жуковскаго, а мой дядя Левъ гораздо позднѣе. Раньше ихъ обоихъ получила роковое извѣстіе моя мать отъ г. Софіаноса, служившаго въ дипломатической канцеляріи намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, генералъ-фельдмаршала князя И. Ф. Пас-

кевича-Варшавскаго, графа Эриванскаго.

Это извѣстіе такъ страшно подѣйствовало на сестру поэта, что она подверглась нервной горячкѣ, во время приступовъ которой то вскакивала съ крикомъ: «Пустите меня къ брату! безбожники, безбожницы его рѣжутъ, мясо его ѣдятъ», то, простирая руки къ воображаемой тѣни убитаго, говорила: «Куда уходишь, Саша? Я такъ счастлива, что тебя вижу, слышу твой голосъ милый»!..

Отецъ мой,—Николай Ивановичъ Павлищевъ, — заключаетъ письмо къ своей матери,—Луизѣ Матвѣевнѣ, — словами: «Тутъ пролилъ бы слезы и самый безсердечный человѣкъ!»

Въ эти скорбные дни и русское, и польское общество въ

Варшавѣ поспѣшили выразить Ольгѣ Сергѣевнѣ сердечное соболѣзнованіе: квартира моихъ родителей осаждалась множествомъ лицъ, даже и незнакомыхъ, оставлявшихъ визитныя карточки.

«Недаромъ,–диктовала мнѣ впослѣдствіи мать, — обстоятельства сложились для брата фатально: Александръ, до тѣхъ поръ откро венный съ родными, утаилъ отъ нихъ передъ поединкомъ именно то, чего не слѣдовало утаивать. Судьбѣ не угодно было ни мое присутствіе, ни присутствіе брата Леона, ни преданнаго друга Соболевскаго, которые могли бы пріѣхать, протянуть брату вò время спасительную руку помощи. Но братъ все скрывалъ отъ всѣхъ насъ».

Припоминала она свое предска-

заніе брату по его рукѣ, а также предсказаніе гадальщицы нѣмки Кирхгофъ *), къ которой Пушкинъ, еще задолго до смерти, заходилъ съ своимъ пріятелемъ Всеволожскимъ. Придавая значеніе предчувствіямъ, Ольга Сергѣевна разсказала мнѣ, что братъ ея, на ея замѣчаніе о Дантесѣ (встрѣченномъ ею у брата на Каменно-

*) «Du wirst zwei mal verbannt sein; Du wirst der Abgott deiner Nation werden; vielleicht wirst Du sehr lange leben, doch in deinem 37 Jahre fürchte Dich vor einem weissen Rosse, einem weissen Menschen, oder einem weissen Kopfe» (St.-Petersburger Gesellschaft, Leipzig, 1881). («Два раза будешь въ изгнаніи; будешь кумиромъ твоего народа; можетъ быть проживешь очень долго, но на 37-ми-лѣтнемъ возрастѣ опасайся, бѣлой лошади, или бѣлаго человѣка, или бѣлой головы»). *Л. П.*

островской дачѣ лѣтомъ 1836 года) «comme il est beau» (какъ онъ хорошъ собой), отвѣчалъ сестрѣ: «C'est vrai il est beau, mais il a une bouche quoique jolie, mais on ne peut plus désagréable, et son sourire ne me revient pas du tout» («Правда, онъ хорошъ собой, но его ротъ, хотя и красивъ, однако, какъ нельзя болѣе непріятенъ; улыбка же его мнѣ совсѣмъ не нравится»).«Казалось,—прибавила Ольга Сергѣевна,—внутренній голосъ подсказывалъ Александру остерегаться этого человѣка».

Говоря о томъ, какъ отнеслась моя мать къ ужасному событію, считаю умѣстнымъ привести продиктованныя мнѣ ею слѣдующія строки, воздерживаясь отъ всякихъ комментарій:

«Покойный Александръ былъ

для меня, отца и младшаго брата Льва не генералъ отъ поэзіи, а нашей родной кровію. Конечно, испытанные друзья были ему тоже преданы, но меня бѣситъ, когда чужіе люди меня увѣряютъ, будто бы ихъ скорбь объ утратѣ *величайшаго* поэта (любимое выраженіе этихъ господъ) едва-ли не превосходитъ скорбь отца и мою. А на повѣрку большинство такихъ непрошеныхъ мнимыхъ плакальщиковъ (La plupart de ces soi-disant pleureurs), готовыхъ при жизни Александра утопить его въ столовой ложкѣ, узнавъ о его смерти, натерли,—Богъ меня прости,—глаза лукомъ, чтобы почувствительнѣй ломать комедію. Изъ нихъ завистники Александра и жалкіе рифмоплеты (ces rimailleurs à faire pitié) служили въ

душѣ молебенъ о здоровьѣ Дантеса да сочинителей анонимныхъ пасквилей. Ихъ раскусилъ какъ нельзя лучше достойный преемникъ Александра, Михаилъ Лермонтовъ, непритворное негодованіе котораго вылилось въ стихотвореніи на кончину брата—истинно надгробномъ словѣ, за что̀, впрочемъ, онъ и поплатился *). Въ сладчайшихъ же словахъ презрѣнныхъ, фальшивыхъ людишекъ мнѣ слышится какой-то не то іезуитскій, не то насмѣшливый оттѣнокъ не совсѣмъ хорошаго тона. Высокопарныя фразы лишены искренности, уподобляясь сказкамъ, отъ которыхъ можно заснуть стоя».

*) «Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
«Палъ оклеветанный молвой...

Скорбь отца поэта не поддается никакому описанію. Ограничиваюсь выдержкою изъ письма Ольги Сергѣевны къ ея мужу,— отцу моему,—въ 1841 году изъ Петербурга.

Разсказывая о свиданіи съ Сергѣемъ Львовичемъ въ первый разъ по кончинѣ брата-поэта, она пишетъ:

«Отецъ не замѣтилъ моего прихода. Онъ бросилъ,—когда я его окликнула,—газету, сигару, кинулся ко мнѣ на шею и сказалъ рыдая (по обыкновенію по-французски): «Наконецъ вижу тебя, Олинька! Какое отрадное и какое грустное душевное волненіе! Нѣтъ Александра! Зарѣзали его!» Потомъ, нѣсколько успокоясь, продолжалъ по-русски: «Нѣтъ у меня больше моей жены, моей *На-*

дежды! Вотъ и тутъ я не утерпѣлъ обойтись безъ мѣткаго каламбура! Довелось мнѣ на старости лѣтъ шататься, какъ парія, на мерзкой землѣ! Послѣ жены лишился сына, и какого сына: свѣтила нашего отечества! Но да будетъ воля неба»...

...«Одиночество отцу невыносимо: несчастный, одинокій старикъ утѣшаетъ себя воспоминаніями о сынѣ и мечтами о духовномъ мірѣ. Всякій день, несмотря на погоду, отправляется пѣшкомъ въ Казанскій соборъ, гдѣ и вынимаетъ часть объ упокоеніи души положившаго жизнь на полѣ чести болярина Александра. Возвратясь отъ обѣдни, читаетъ духовныя книги—сочиненія Масильона, Боссюэ, Сведенборга. Въ четыре часа обѣдаетъ, а вечеромъ

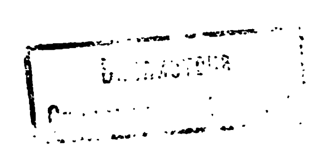
навѣщаетъ вдову и друзей покойнаго сына поговорить объ усопшемъ. Но такія бесѣды лишь увеличиваютъ его грусть».

Положеніе старика Пушкина, дѣйствительно, было плачевно, послѣ перенесенныхъ имъ, въ теченіе менѣе чѣмъ года, потерь жены (матери восьми дѣтей *) и сына...

...Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ— младшій братъ поэта,—получивъ извѣстіе о его кончинѣ, самъ въ то время ежедневно рисковалъ

---

*) Изъ этихъ дѣтей скончались въ малолѣтствѣ: Николай, Павелъ, Михаилъ, Платонъ, и Софія. Николай умеръ въ 1807 году, будучи моложе поэта, но старше Льва Сергѣевича. Замѣчателенъ о немъ разсказъ моей матери: этотъ младенецъ, еще совершенно здоровый, постоянно мечталъ о будущей жизни,

жизнью въ Большой Чечнѣ, отличаясь въ экспедиціи генерала Фези противъ горцевъ.

Между тѣмъ въ Варшавѣ, черезъ мѣсяцъ послѣ дуэли Пушкина, разнесся слухъ, яко бы его братъ отпросился въ заграничный отпускъ, съ цѣлью отыскать Дантеса, и вызвать его на поединокъ.

Опровергая этотъ слухъ, моя мать писала Сергѣю Львовичу слѣдующее:

«Не вѣрьте баснѣ, которая,

и часто задавалъ Александру Сергѣевичу и Ольгѣ Сергѣевнѣ вопросы: «Скажите, какъ живутъ ангелы, есть ли въ раю цвѣточки, деревца, рѣчка?», и засыпая говорилъ: «Скоро въ рай полечу, у меня будутъ крылышки бѣленькія! У тамъ хорошо! И вы будете тамъ, но еще не скоро. Божинька добрый всѣхъ насъ любитъ». *Л. П.*

можетъ быть, разсказывается и у васъ. Братъ Леонъ попрежнему на Кавказѣ и мѣряется съ противниками, хотя и грубыми варварами, но болѣе достойными чѣмъ образованный мирлифлеръ, (mirliflore)—Дантесъ,—который и безъ того признается на обоихъ полушаріяхъ тѣмъ, чѣмъ заслуживаетъ, какъ убійца Пушкина. Сказка о Леонѣ похожа на здѣшній варшавскій вздоръ, ходившій между нѣкоторыми поляками,—поклонниками брата,—будто бы Мицкевичъ успѣлъ уже въ Парижѣ отомстить смерть его, то есть застрѣлить Дантеса на поединкѣ. Чего не выдумаютъ праздные пустомели!»

Левъ Сергѣевичъ отсутствовалъ изъ Петербурга уже давно, не имѣя никакого понятія объ окру-

жавшемъ его брата столичномъ обществѣ, и подавну о Дантесѣ. Въ противномъ случаѣ,—какъ онъ говорилъ Ольгѣ Сергѣевнѣ въ въ 1848 году,—онъ явился бы въ Петербургъ и употребилъ бы всевозможныя старанія спасти поэта отъ рокового шага.

II.

Гекеренъ старшій. — Характеристика его и усыновленнаго имъ Дантеса.— Отношенія ихъ къ супругамъ Пушкинымъ.

Нидерландскій посланникъ при Петербургскомъ дворѣ, баронъ Гекеренъ, былъ, по выраженію автора статьи «Puschkin und Dantes», напечатанной въ Лейпцигскомъ изданіи «Petersburger Gesellschaft», *Несторомъ разврат-*

ной молодежи, но, однако, уваженіе къ нему было прочно. Онъ плѣнился до такой степени красивой наружностью юной жертвы іюльской революціи,—Георга Дантеса, — что вскорѣ, по пріѣздѣ въ Россію этого французскаго легитимиста «на ловлю счастья и чиновъ», усыновилъ его, съ передачей своей фамиліи и титула. Оба они, посѣщая высшее петербургское общество, бывали на раутахъ графинь Разумовской и Фикельмонъ,—жены австрійскаго посланника,—а также въ салонахъ князей Вяземскаго, Одоевскаго, и въ домѣ исторіографа Карамзина, женатаго на сестрѣ князя Вяземскаго. Въ этотъ послѣдній домъ старикъ Гекеренъ попалъ, впрочемъ, не раньше 1835 года.

Моя мать его не видѣла; онъ

пріѣхалъ въ Петербургъ, когда она находилась въ Варшавѣ, а лѣтомъ 1836 года не бывалъ при ней у Пушкиныхъ. Лично не зналъ старика Гекерена и младшій братъ поэта, но, бесѣдуя о Гекеренѣ съ сестрою, осенью 1848 года, Левъ Сергѣевичъ причислялъ его, Гекерена, къ безсердечнымъ эгоистамъ; въ усыновленіи же Дантеса мой дядя Левъ видѣлъ нѣчто *очень темное и таинственное*, какъ онъ выразился Ольгѣ Сергѣевнѣ.

Точно такъ же отзывался о голландскомъ посланникѣ и знаменитый Филиппъ Филипповичъ Вигель, который, будучи въ 1837 г. директоромъ департамента иностранныхъ исповѣданій министерства внутреннихъ дѣлъ, скрѣпилъ письменное разрѣшеніе въ январѣ

того года *на бракъ иновѣрца барона Георга Дантеса-Гекерена съ православной дѣвицей Екатериной Гончаровой.* Хотя Вигель не былъ особенно таровать на раздачу одобрительныхъ атестатовъ роду человѣческому, но отзывы его о Гекеренѣ,—какъ о развратномъ интриганѣ, съ которымъ онъ часто встрѣчался въ большомъ петербургскомъ свѣтѣ,—совпадали съ мнѣніями многихъ, въ томъ числѣ личнаго недоброжелателя его, Вигеля, Сергѣя Александровича Соболевскаго. Вигель утверждалъ, что злой и развратный Гекеренъ, слѣдуя іезуитскому правилу,—цѣль оправдываетъ средства,—заключилъ съ подобными себѣ экземплярами союзъ противъ Пушкина оборонительный и наступательный.

По мнѣнію Льва Сергѣевича Пушкина, извѣстныя слова Гекерена женѣ поэта, приведенныя симъ послѣднимъ въ роковомъ его письмѣ дипломату: «Rendez moi mon fils» (возвратите мнѣ моего сына), были сказаны вовсе не съ цѣлью, — какъ полагаетъ моя мать,—испросить у Натальи Николаевны ея согласіе въ ходатайствѣ у ея сестры, Екатерины Николаевны Гончаровой, относительно брака Дантеса съ этой послѣдней, а были произнесены совершенно съ другимъ умысломъ: Гекеренъ вовсе-де не желалъ этой свадьбы, увѣряя, что благословилъ своего пріемнаго сына совершенно противъ своей воли, а лишь по настойчивымъ просьбамъ Дантеса. Точно такъ же нельзя не принять въ соображеніе и дру-

гихъ словъ Гекерена старшаго‘ сказанныхъ той же Натальѣ Николаевнѣ Пушкиной, съ цѣлью разсорить ее съ мужемъ: «Вамъ нуженъ не такой мужъ, какъ вашъ, и на вашемъ мѣстѣ я бы съ нимъ уже давно разстался». Эту фразу Гекеренъ отпустилъ, по словамъ Льва Сергѣевича, Натальѣ Николаевнѣ на вечерѣ у Фикельмоновъ, чему свидѣтелемъ былъ, въ числѣ прочихъ, и Вигель, разсказавшій это Льву Сергѣевичу, при свиданіи съ братомъ поэта впослѣдствіи въ Петербургѣ.

Затѣмъ, послѣ свадьбы Дантеса съ Гончаровой, Гекеренъ, задавшись цѣлью дразнить Александра Сергѣевича, надѣлъ на себя маску миротворца, но не изъ тѣхъ,— прибавляетъ Вигель,—*кои сынами Божіими нарекутся*: диктовалъ

онъ Дантесу приторныя письма, еще болѣе раздражавшія поэта, и вовсе не увѣщевалъ своего пріемнаго сына прекратить неумѣстныя, назойливыя ухаживанья за Натальей Николаевной; наконецъ, содѣйствовалъ встрѣчамъ соперниковъ на вечерахъ и балахъ.

По мнѣнію Льва Сергѣевича, Гекеренъ старшій проявилъ малодушіе тѣмъ, что послѣ нанесеннаго ему поэтомъ оскорбленія, избралъ Дантеса своей подставной пикой, заявляя, что самъ не можетъ драться въ силу, дескать, своего общественнаго положенія; въ доказательство же безсердечности лукаваго дипломата, дядя Левъ привелъ моей матери слѣдующее, слышанное имъ на Кавказѣ, обстоятельство, достовѣр-

ность котораго требуетъ, однако, подтвержденія: будто бы Гекеренъ старшій, въ день злополучнаго поединка, — 27-го января 1837 года,—поѣхалъ къ Комендантской дачѣ въ наемной каретѣ, а не въ своей, опасаясь быть узнаннымъ публикой. Затѣмъ, приказавъ кучеру остановиться не на особенно далекомъ разстояніи отъ мѣста поединка, выслалъ яко бы на рекогносцировку своего камердинера, и, получивъ донесеніе послѣдняго о страшномъ результатѣ, отослалъ экипажъ съ этимъ лицомъ для одного изъ раненыхъ соперниковъ; самъ же будто бы нанялъ проѣзжавшаго извозчика, на которомъ и ускакалъ путями окольными, не желая подвергаться и тутъ любопытнымъ взглядамъ.

«Не такъ поступилъ бы любящій отецъ—родной ли, мнимый ли все равно,—говорила мнѣ покойная вдова друга поэта, Евгенія Абрамовича Баратынскаго, Анастасія Львовна, слышавшая тоже этотъ разсказъ отъ другихъ.—Гораздо было бы проще,—сказала она,—явиться самому на мѣсто, разнять соперниковъ, или же, несмотря ни на лѣта, ни на дипломатическій постъ, стать самому подъ пушкинскую пулю, въ качествѣ лица, главнымъ образомъ оскорбленнаго Александромъ Сергѣевичемъ, чѣмъ ожидать хладнокровно извѣстій отъ какого-то лакея, да обратиться потомъ въ бѣгство на первомъ встрѣчномъ ванькѣ»...

Такова характеристика Гекерена старшаго, обрисованная Львомъ

Пушкинымъ, Вигелемъ и другими. Моя же мать—Ольга Сергѣевна,—приписывая первенствующую роль въ адской интригѣ не Гекерену старшему, а инымъ подлымъ дѣятелямъ, считала неизвинительными оскорбленія, нанесенныя дипломату ея братомъ *). Впрочемъ, Гекеренъ старшій, въ глазахъ Ольги Сергѣевны, былъ человѣкомъ, для котораго собственное «я» стояло на первомъ планѣ, слѣдовательно эгоистомъ, руководившимся единственно инстинктомъ самосохраненія въ самомъ обширномъ смыслѣ слова.

Отрицательныя свойства этой загадочной личности приняли къ

*) «Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ», Л. Павлищева, стр. 417, Москва, 1890 г.

свѣдѣнію пораженные кончиной Пушкина студенты Петербургскаго университета, Педагогическаго института, Академіи и прочая молодежь, порѣшивъ разгромить квартиру Гекерена старшаго, что̀, однако, было предупреждено принятыми Бенкендорфомъ полицейскими мѣрами. Тѣмъ не менѣе оставаться голландскому дипломату въ Россіи было уже неловко: онъ выѣхалъ вскорѣ послѣ событія.

Въ Вѣнѣ его приняли сухо, а нашъ посолъ Медемъ не поѣхалъ на званный обѣдъ къ Метерниху, узнавъ, что Гекеренъ будетъ въ числѣ приглашенныхъ.

Чѣмъ занимался Гекеренъ впослѣдствіи—неизвѣстно. По словамъ моей матери и князя П. А. Вяземскаго, онъ, закончивъ дипломатическую карьеру, скитал-

ся по бѣлому свѣту безъ постояннаго пристанища.

Перехожу къ Гекерену младшему, иначе Георгу Дантесу, но такъ же какъ и объ его пріемномъ отцѣ не высказываю о немъ субъективнаго заключенія, а руководствуюсь имѣющимися въ моемъ распоряженіи данными отъ лицъ мнѣ близкихъ.

Въ концѣ перваго отдѣла моей «Семейной Хроники», напечатанной въ 1888 году на столбцахъ «Историческаго Вѣстника» и вышедшей въ 1890 г. въ Москвѣ отдѣльной книгой, подъ заглавіемъ «Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ», я отчасти коснулся взгляда на Дантеса-Гекерена моей. покойной матери. Нынѣ привожу слова Ольги Сергѣевны, насколько помню:

«Двадцати-трехъ-лѣтній Дантесъ,—говорила мнѣ она,—державъ съ которымъ поединокъ почти сорока-лѣтнему отцу семейства было не стать,—принадлежалъ къ самонадѣяннымъ фатамъ, голова которыхъ повинуется языку, а не наоборотъ. Вообразивъ, что никакое женское сердце противъ батарей его очаровательныхъ глазъ устоять не можетъ, умомъ же онъ звѣзды съ неба хватаетъ, онъ хвалился, особенно передъ женщинами, что ему, подобно гоголевскому герою «Мертвыхъ душъ», довелось многое претерпѣть за правду, какъ приверженцу французскаго короля Карла X, и, подобно пожилой кокеткѣ, лѣзъ вонъ изъ кожи вербовать себѣ поклонницъ — красивыхъ, дурныхъ, глупыхъ, умныхъ—все

равно: удовлетвореніе чувству самообожанія служило модному кавалергардскому поручику главной житейской цѣлью. Будучи празднымъ съ утра до вечера, бѣсясь, такъ сказать, съ жиру, Дантесъ поступалъ во всемъ очертя голову, никогда ничего не взвѣшивая. Намѣренія разбить семейный очагъ Александра Сергѣевича онъ не имѣлъ. Правда, былъ далеко неравнодушенъ къ моей невѣсткѣ, но при всей своей умственной немощи не могъ не видѣть, что она, считая его лишь забавнымъ собесѣдникомъ да ловкимъ танцоромъ, не промѣняетъ на него мужа и дѣтей, а потому и его ухаживанья ограничивались хотя подчасъ и неумѣстной, но безцѣльной болтовней».

Таковъ взглядъ моей матери,

сестры поэта. Привожу и противоположный взглядъ младшаго его брата:

По убѣжденію Льва Сергѣевича Пушкина, модный кавалергардъ-щеголь дѣйствовалъ по отношенію къ Пушкину далеко не безвинно: слѣдуя тактикѣ, преподаваемой ему Гекереномъ старшимъ, Дантесъ, хотя и не былъ причастенъ къ литературѣ подметныхъ писемъ, адресованныхъ на имя моего дяди, но своимъ фатовствомъ и систематическою назойливостью самъ вызвалъ эту литературу; въ силу же мальчишескаго ухарства, самонадѣянный франтъ, возмечтавъ покорить сердце супруги поэта, порѣшилъ афоризмомъ: «чѣмъ больше препятствій, тѣмъ славнѣе побѣда».

Раздражая Пушкина плоскими

остротами, возмутительнымъ laisser aller, и зная веселый характеръ Натальи Николаевны, Гекеренъ младшій,—онъ же Дантесъ,—воспользовавшись этимъ характеромъ, надѣлъ на себя шутовскую личину не безъ злостнаго-де намѣренія. О ходѣ же своихъ бесѣдъ онъ-де докладывалъ своему батюшкѣ, похваляясь, въ то же время, передъ врагами Пушкина, что̀ и было этимъ господамъ на руку, въ особенности тѣмъ, которыхъ Александръ Сергѣевичъ задѣвалъ въ послѣднее время ѣдкими эпиграммами.

Наконецъ, мой дядя Левъ Сергѣевичъ разсказалъ моей матери, что нахальство Дантеса достигло апогея, когда, оставаясь однажды случайно съ Натальей Николаевной наединѣ въ чужомъ домѣ,—

не помню у кого,—вынулъ изъ кармана незаряженный пистолетъ, и приставилъ его себѣ ко лбу съ восклицаніемъ: «Размозжу себѣ голову, если сдѣлаете меня несчастнымъ».

Тутъ моя тетка съ испугу закричала. Явилась хозяйка съ посторонними гостями, а Дантесъ, оповѣстивъ компанію, что хотѣлъ прелестную жену поэта попугать, сталъ дурачиться, забавляя публику граціозной мимикой, такъ что и Наталья Николаевна, оправясь отъ страха, не могла не расхохотаться.

«Дантесу,—говорилъ Левъ Сергѣевичъ, — глубокое чувство не было доступно; иначе онъ бы не подалъ пищи клеветамъ противъ той, которой плѣнился. Поступая какъ бездушный фатъ, Дантесъ

точно такъ же эгоистически пролилъ и безцѣнную кровь великаго человѣка: опасаясь на поединкѣ за свое существованіе, онъ выстрѣлилъ первымъ *), вопреки общеизвѣстному правилу: первымъ стрѣляетъ не вызывающій, а вызванный; въ данномъ же случаѣ вызванъ былъ не Дантесъ, а Пушкинъ, по полученіи Гекереномъ старшимъ письма Александра. Стало быть Дантесъ не дорожилъ ни добрымъ именемъ предмета своей безтолковой страсти, ни чужимъ спокойствіемъ, ни спокойствіемъ своей супруги Ека-

*) Разсказъ Дантеса объ его испугѣ на дуэли съ Пушкинымъ покойному Василію Денисовичу Давыдову—сыну знаменитаго героя 1812 г.,—приведенъ въ XXXVIII главѣ, на стр. 430, моихъ Воспоминаній о моемъ дядѣ. *Л. П.*

терины Николаевны, съ которой повѣнчался за три недѣли до поединка *). При чувствѣ самообожанія, у Дантеса блистало отсутствіемъ чувство самоуваженія, которымъ и слѣдовало ему руководствоваться въ рѣшительныя минуты»...

III.

Характеристика Натальи Николаевны Пушкиной. — Высокая ея нравственность.—Нелѣпыя клеветы и опроверженія ихъ.

Коснусь чистаго, нравственнаго облика покойной моей тетки—жены поэта, Натальи Николаевны Пушкиной.

Ухаживаніямъ Дантеса она не

*) 7-го января 1837 года. *Л. П.*

придавала никакого значенія. Эти ухаживанія были даже предметомъ веселаго разговора между нею и моей матерью, когда Ольга Сергѣевна гостила у своего брата лѣтомъ 1836 года, послѣ кончины ихъ матери,—Надежды Осиповны Пушкиной. Ни мало не подозрѣвая о серьезномъ оборотѣ дѣла, моя мать пишетъ своему отцу, Сергѣю Львовичу, отъ 6-го декабря того же года изъ Варшавы *), по поводу слуховъ о женитьбѣ Дантеса на Екатеринѣ Николаевнѣ Гончаровой, между прочимъ, слѣдующее:

«Страсть Дантеса къ Nathalie,— впрочемъ, какъ нельзя болѣе платоническая, и не приносящая вреда кому бы ни было, ни для

*) Письмо это у меня. *Л. П.*

кого не была тайной, что я знала хорошо, когда была въ Петербургѣ, и часто на этотъ счетъ подтрунивала надъ нею». Наталья же Николаевна, говорившая Ольгѣ Сергѣевнѣ, что Дантесъ забавными выходками и мертваго разсмѣшитъ, а слушать его очень весело, отнеслась шутя и къ словамъ Пушкина,—не постигая ихъ зловѣщаго тона,—когда онъ ей сказалъ, задолго еще до полученія анонимныхъ писемъ: «Смотри, женка, Дантесъ за тобой ухаживаетъ: вызову на дуэль, а тогда кого пожалѣешь?»—«А того, кто будетъ убитъ», отвѣчала Наталья Николаевна, вовсе не допуская и мысли о случившемся впослѣдствіи. Между тѣмъ, недоброжелательницы жены поэта поставили ей въ укоръ и этотъ шуточный

отвѣтъ, обвиняя ее въ легкомыслiи и полномъ равнодушiи къ мужу.

Разговоровъ о его трагической смерти она избѣгала, но съ переселенiемъ въ Петербургъ моей матери дѣлилась съ нею горькими воспоминанiями. На одной изъ такихъ бесѣдъ—лѣтъ слишкомъ двадцать спустя по смерти дяди—я присутствовалъ, и записалъ въ мой дневникъ слѣдующiя слова вдовы поэта (бывшей тогда во второмъ замужествѣ за генералъ-адъютантомъ Петромъ Петровичемъ Ланскимъ):

«Завѣряю тебя, Ольга, въ присутствiи Леона (тутъ тетка указала на меня) священнымъ моимъ словомъ, что я не погрѣшила и мысленно противъ Пушкина (тетка всегда называла моего

дядю по фамиліи, даже и въ разговорахъ съ нимъ), а укоряю себя лишь въ недальновидности: по неопытности я не подозрѣвала ничего серьезнаго, а потому и не предупредила козней его враговъ. Но въ остальномъ чѣмъ провинилась? Моей привлекательной наружностью?—Да не я же себѣ ее сотворила.—Любезнымъ обращеніемъ?—Да этому виноватъ мой общительный характеръ.—Остроуміемъ въ обществѣ?—Но если острила, то вовсе не съ цѣлью обижать кого бы ни было. Наконецъ,—сказать смѣшно—неужели моимъ умѣньемъ играть въ шахматы, за которое получала комплименты мужчинъ?—Да скучно вѣдь играть въ шахматы самой съ собою. Но,—можетъ быть грѣшу,—никогда не прощу зло-

дѣевъ, которые свели моего Пушкина въ могилу, для чего и безславили меня. Скорбь же моя о Пушкинѣ умаляется при сознаніи, что я чиста передъ нимъ. Пусть праздные языки толкуютъ обо мнѣ что угодно. Сами себя мараютъ, а не того, кого чернятъ».

Моя покойная мать никогда не сомнѣвалась въ равнодушіи своей невѣстки къ Дантесу, и однажды замѣтила мнѣ:

«Есть красавицы, не всегда располагающія въ свою пользу; но у тѣхъ, внѣшняя оболочка которыхъ привлекаетъ всякаго съ перваго на нихъ взгляда, непремѣнно прекрасная душа. Такова наружность Наташи; взглянувъ на нее, каждый скажетъ: «честная, добродушная натура!»

«Довольно имѣть намъ твердое,

задушевное убѣжденіе, — заявляетъ князь П. А. Вяземскій въ письмѣ къ А. Я. Булгакову,— что жена Пушкина непорочна, и что мужъ ея жилъ и скончался съ этимъ убѣжденіемъ; любовь и ласковость къ ней не измѣнялись въ немъ ни на минуту».

Но увы! Клеветы на мою покойную тетку пустили такіе корни, что и теперь мнѣ зачастую задаютъ неумѣстные вопросы, въ родѣ слѣдующихъ: «Вы племянникъ родной Пушкина, потому все должны знать: правда-ли, что жена была ему невѣрна?» При этомъ господа любопытные приводятъ то одинъ, то другой нелѣпый анекдотъ.

Упомяну, между прочимъ, о слѣдующихъ, приводившихъ меня

въ негодованіе, и спѣшу ихъ опровергнуть:

Будто бы Наталья Николаевна, встрѣтивъ черезъ нѣсколько лѣтъ по кончинѣ мужа какого-то господина, уѣзжавшаго въ Парижъ, отнеслась къ нему: «Поклонитесь отъ меня Дантесу, и скажите ему, что я храню о немъ очень хорошее воспоминаніе».

На повѣрку, моя тетка по смерти мужа до самой своей кончины,—осенью 1863 года,—ни при комъ и никому, за исключеніемъ моей матери, дажс и у себя не произносила фамиліи Дантеса, а я, въ теченіе гораздо болѣе десятка лѣтъ, видѣлся съ Натальей Николаевной довольно часто.

Пущена была въ ходъ и возмутительная молва, будто бы Наталья Николаевна науськивала

дядю вызвать Дантеса на поединокъ въ томъ расчетѣ, что послѣднiй, убивъ перваго, обвѣнчается съ нею, и съ нею же убѣжитъ за границу.

Объ этой нелѣпости мой отецъ, въ письмѣ къ своей матери отъ 5-го iюля 1837 года изъ Варшавы, сообщаетъ слѣдующее:

«Насилу мнѣ удалось убѣдить этихъ болтуновъ простофилей, что Дантесъ былъ уже повѣнчанъ со свояченицей Пушкина; стало-быть, вдовѣ поэта было невозможно послѣ его смерти выйти замужъ за Дантеса».

Увѣряли также, будто бы Александръ Сергѣевичъ, въ припадкѣ ревности, избилъ Дантеса палкой до такой степени, что соперникъ долго не былъ въ состоянiи держать дуэль, на которую и вы-

звалъ моего дядю именно вслѣдствіе таковой палочной расправы.

Но извѣстно, что не физическое насиліе надъ Дантесомъ, а письмо Пушкина голландскому дипломату повлекло за собою поединокъ.

Наконецъ, обвинители Натальи Николаевны огласили, будто бы Пушкинъ отвѣчалъ ей однажды на ея вопросъ: «о чемъ задумался поэтъ?» слѣдующимъ четверостишіемъ:

«Увы! для твоего поэта
Насталъ великій постъ;
Люблю тебя, моя комета,
Но не люблю твой длинный
«хвостъ»!

Четверостишіе это, приписываемое моему дядѣ, составлено совершенно другимъ лицомъ, адресовано имъ къ другой дамѣ, на

что̀ могу представить и доказательство, буде понадобится.

Но мало того: очернить доброе имя вдовы поэта ухитрились и за границей, куда отчалили изъ Россіи нѣкоторые недоброжелатели супруговъ Пушкиныхъ: эти личности завербовали и въ чужихъ краяхъ людей легковѣрныхъ среди литераторовъ, которые, интересуясь кончиной поэта, внимали вздорнымъ розсказнямъ да передѣлывали ихъ на свой ладъ, дойдя до геркулесовыхъ столбовъ чепухи. Такъ, въ 1876 году, въ Миланѣ нѣкій Пьетро Косса разрѣшился отъ бремени четырехактной драмой въ стихахъ (этотъ курьезъ былъ у меня подъ рукою), подъ заглавіемъ «Puskin»! Свою фантазію онъ напечаталъ и едва ли не поставилъ на сцену.

Въ послѣднемъ актѣ этой сверхъестественной белиберды, завершаемой кончиной моего дяди, послѣ дуэли на шпагахъ (sic!) со счастливымъ соперникомъ княземъ Инзевымъ (il principe Inzeff), окружаютъ Пушкина его жена (Natalia Dangeroff?!), секундантъ поэта баронъ Дельвигъ (вѣроятно, заблагоразсудившій воскреснуть черезъ шесть лѣтъ послѣ своей смерти) и нѣкая юная цыганка Марія (Maria giovinetta Zingara), привезенная якобы Пушкинымъ изъ Бессарабіи. Умирая на сценѣ, Пушкинъ завѣщаетъ-де цыганочкѣ добрую о себѣ память и поцѣлуй (A te fanciulla la mia memoria e un baccio), а кающуюся жену угощаетъ фразой: «Вамъ же мои богатства» (A voi le mie richezze). Въ той же драмѣ отведена роль

и скончавшейся еще въ 1828 году (въ домѣ моихъ родителей, Павлищевыхъ) нянѣ поэта, Аринѣ Родіоновнѣ (Irene Radionovna, vecchia nutrice di Puskin), да вовсе не существовавшему на шарѣ земномъ русскому публицисту Милоски (Miloski, direttore d'un giornale litterario). Вся эта ахинея заканчивается патетическимъ укоромъ Дельвига Натальѣ Николаевнѣ: «Ваше женское тщеславіе стоитъ Россіи величайшаго ея поэта!!» («La vostra vanita di donna costa alla Russia il suo piu gran poeta!!»).

. . . .

По словамъ Ольги Сергѣевны, хотя ревность и была однимъ изъ прирожденныхъ свойствъ ея брата, подобно другому его чувству,— безотчетной симпатіи съ перваго

взгляда на какую-либо незнакомую личность,—что французы называютъ engoûement,—но Пушкинъ отнюдь не допускалъ сомнѣнія въ благочестіи своей жены, а только опасался, чтобы она, болтая простодушно въ салонахъ, и давая волю смѣху, не подвергалась пересудамъ. Такую боязнь онъ ей неоднократно высказывалъ въ письмахъ, изъ числа которыхъ выбираю слѣдующую выдержку:

... «Кокетство не въ модѣ и считается признакомъ дурнаго тона... Требую отъ тебя холодности, благопристойности, важности... Я не ревнивъ, да и знаю, что ты во всѣ тяжкія не пустишься; но ты знаешь, какъ я не люблю все, что пахнетъ московской барышней, все, что не comme il faut, все, что vulgar....».

Привожу слова моей матери, мнѣ ею продиктованныя:

«Недоброжелатели жены брата ставили ей въ укоръ танцы, наряды, свѣтскую болтовню. Конечно, она часто доставляла себѣ удовольствіе потанцовать, наряжаться, да смѣяться въ обществѣ съ тѣмъ, кто, подобно Дантесу, былъ мастеръ смѣшить. Но не надо забывать, что она вышла замужъ 19-ти лѣтъ; когда умеръ братъ, ей 25-ти не было, такъ какъ родилась 26-го августа 1812 г.—въ самый день Бородинскаго сраженія; а въ 25 лѣтъ извинительны танцы, изящный костюмъ, веселая болтовня. Къ тому же моя невѣстка все это дѣлала съ вѣдома мужа, которому пересказывала все, что съ ней случалось».

Заканчиваю характеристику покойной моей тетки слѣдующимъ:

Набожная Наталья Николаевна была примѣрной супругой и матерью, поставивъ себѣ цѣлію счастіе дѣтей. Всегда и вездѣ находила она привѣтливое слово для всѣхъ и каждаго, а ея ровный, счастливый характеръ вызывалъ къ ней общее сочувствіе, чему я очевидный свидѣтель. Цѣнимая всякимъ, кто зналъ ее, она оставила по себѣ самую свѣтлую память.

IV.

Отношенія А. С. Пушкина къ обоимъ Гекеренамъ.

Пушкинъ почувствовалъ къ старшему Гекерену антипатію съ первой встрѣчи, и выразился о

немъ Филиппу Филипповичу Вигелю—какъ этотъ послѣдній пересказалъ при мнѣ моей матери—такимъ образомъ: «Mon cher, cet homme-là me fait l'effet d'un Janus à double face» («Мой милый, этотъ человѣкъ производитъ на меня впечатлѣніе двуликаго Януса»).

Вскорѣ по заключеніи знакомства — продолжалъ Вигель — Пушкинъ, встрѣтивъ Гекерена у графини Фикельмонъ, услышалъ фразу этого господина хозяйкѣ: «Voilà votre fameux poète qui arrive» (Вотъ идетъ вашъ знаменитый поэтъ), при чемъ стоявшій возлѣ Гекерена Дантесъ якобы иронически усмѣхнулся. Пушкинъ принялъ-де эту фразу въ дурную сторону, не взялъ протянутой ему Гекереномъ руки и отвѣчалъ: «Je

vous en félicite, monsieur l'ambassadeur» (съ чѣмъ васъ и поздравляю, г-нъ посланникъ), а затѣмъ, отозвавъ въ сторону Вигеля, заявилъ ему, Филиппу Филипповичу: «Savez vous, mon cher, que je ne puis supporter ce petit ton goguenard de Haeckeren en présence de son bênet de fils, et surtout en présence de ma femme; mais je le châtirai d'importance en temps et lieu» (Знаете, мой милый, я не могу выносить насмѣшливаго тона Гекерена въ присутствіи его болвана сына, и въ особенности въ присутствіи моей жены; но накажу его больно въ свое время, и въ своемъ мѣстѣ).

Впослѣдствіи Пушкинъ принялъ еще болѣе къ сердцу переданныя ему Натальей Николаевной слова Гекерена старшаго, хотя и вы-

сказанныя въ видѣ шутки, что ей-де слѣдуетъ разойтись съ мужемъ, да замѣнить его лицомъ болѣе къ ней подходящимъ, о чемъ упомянуто мною выше.

Услышавъ объ этой выходкѣ Гекерена отъ самой Натальи Николаевны, Александръ Сергѣевичъ (какъ она сообщала моей матери) замѣтилъ: «Все, что знаю Гекеренъ вмѣсто того, чтобы заботиться о дѣлахъ своихъ Нидерландовъ, суетъ свой носъ въ другія мѣста, праздный человѣкъ!» («Tout ce que je sais, Haeckeren, au lieu de vaquer aux affaires de ses Pays Bas, fourre son nez ailleurs, fainéant qu'il est!»).

Эта же именно выходка Гекерена старшаго и подкрѣпила возникшее у дяди Александра подозрѣніе, что подметныя письма—

дѣло рукъ дипломата, стакнувшагося съ врагами Пушкина.

«Сердце сердцу вѣсть подаетъ,— говорила моей матери Анастасія Львовна Баратынская.—Кто кого первый возненавидѣлъ—Гекеренъ ли твоего брата, или наоборотъ— не знаю. Скорѣе всего, взаимная антипатія проявилась одновременно. Гекеренъ старался вредить Пушкину вездѣ, гдѣ только могъ».

Касательно отношеній Пушкина къ Дантесу ограничиваюсь разсказомъ троюроднаго брата поэта и матери моей, барона Николая Романовича Бистрама *). Этотъ раз-

*) Баронъ Н. Р. Бистрамъ, сынъ родной внучки Ибрагима Петровича Ганнибала, Фелиціаны Адамовны, рожденной Роткирхъ, былъ особенно друженъ съ сестрой и братомъ поэта, Львомъ. Женатъ былъ на графинѣ Вандѣ Кипріановнѣ Крейцъ, дочери

сказъ я самъ отъ него слышалъ на излюбленномъ имъ нѣмецкомъ языкѣ въ 1864 году.

«Мой кузенъ Александръ,—сказалъ мнѣ Бистрамъ,—познакомясь съ Дантесомъ у графини Бобринской за полтора года до дуэли *),

---

извѣстнаго боевого генерала. Скончался въ Нарвѣ въ семидесятыхъ годахъ. Отличаясь неистощимой веселостью, онъ говорилъ смѣясь: «Хотя я и русскій, но русской крови во мнѣ ни капли. Ганнибалъ—негръ— женился на нѣмкѣ, его дочь вышла за нѣмца, а внучка тоже за нѣмца—моего фатера. Значитъ, какъ же мнѣ не любить нѣмецкаго языка»? Женатый въ свою очередь на нѣмкѣ, Бистрамъ предпочиталъ объясняться и съ дѣтьми по-нѣмецки. *Л. П.*

*) Баронъ Бистрамъ ошибся. Не въ салонѣ Бобринской, а за обѣдомъ въ ресторанѣ Дюме они познакомились.

Л. П.

враждебно къ нему не относился; но общаго знаменателя между ними не было и быть не могло, ни по лѣтамъ, ни по характеру. Александру этотъ фатишка не могъ приходиться по вкусу (Alexander konnte nicht an diesen Geck Geschmak finden). Однако, Пушкинъ, вращаясь въ большомъ свѣтѣ, и имѣя слабость подражать во всемъ этому свѣту (da er die grosse Welt verkehrte, und die Schwäche hatte der grossen Welt in allem nachzuahmen), не могъ запереть дверей модному французу такъ же, какъ и его, такъ сказать, отцу. Пушкинъ принялъ Дантеса вѣжливо, какъ человѣкъ знакомый со свѣтскими приличіями, и на первыхъ порахъ обращался съ нимъ ласково, улыбаясь подчасъ его забавнымъ шуткамъ. Но когда

шуточки стали выходить изъ границъ приличія, и появились на сцену постоянные котильоны и мазурки на балахъ съ женой Александра, сопровождаемые плоскими анекдотами, то Пушкинъ далъ почувствовать Дантесу, впрочемъ, совершенно деликатно, что такое поведеніе ему не совсѣмъ по нутру. Тѣмъ не менѣе, опять подчиняясь законамъ высшаго общества, гдѣ надъ ревнивыми мужьями смѣются, Пушкинъ не обнаруживалъ, будучи, однако, ревнивымъ какъ турокъ, своего болѣзненнаго, мучительнаго чувства и выжидалъ, пока до него не дошелъ слухъ, что Дантесъ началъ хвастать (sich zu prahlen) передъ многими, будто бы жена Пушкина, оцѣнивъ его умъ и красоту, едва ли въ него не влюбилась, съ

чѣмъ не преминули его поздравить завистницы жены поэта— охотницы посудачить (willig zum klatschen). Тогда только мой кузенъ сталъ къ Дантесу въ непріязненныя отношенія, считая его способнымъ на всякій неблаговидный поступокъ; Пушкинъ посмотрѣлъ на сватовство Дантеса, предложившаго руку его свояченицѣ, какъ на ловко придуманную увертку (eine listig bedachte Ausflucht) отъ предложенной уже Александромъ дуэли».

Къ этому разсказу Н. Р. присовокупилъ извѣстный фактъ, какъ Пушкинъ, получивъ за обѣдомъ письмо Дантеса о его желаніи обвѣнчаться съ Е. Н. Гончаровой, обратился къ находившемуся у него знакомому—фамиліи Бистрамъ не называлъ—со сло-

вами: «И отецъ, старый плутъ, и его мальчишка сынъ—яблоки отъ одного и того же дерева (Und der Vater, der alte Schalk, und der Bengel, sein Sohn, sind Aepfel von einem und demselben Baume).

«Наконецъ, — заключилъ разсказъ Н Р.,—ненависть свою къ Гекерену Александръ изобразилъ какъ нельзя рельефнѣе секунданту врага, виконту Даршіаку,—утромъ въ день дуэли,—сильной французской выходкой: «La première fois que je rencontrerai les Haeckeren,—père ou fils—le diable n'a qu'à les emporter tous les deux—je leur cracherai à la figure, si la rencontre n'aura pas lieu aujourd'hui même» («Первый разъ, когда встрѣчу Гекереновъ, отца или сына,—чортъ побери ихъ обоихъ,—я плюну имъ въ лицо, если

встрѣча не состоится сегодня же»).

Поединокъ и состоялся въ тотъ же день—въ среду, 27 января 1837 года,—близъ Комендантской дачи.

V.

Помолвка Е. Н. Гончаровой. — Письмо Бенкендорфу.—Ходатайство графа Сологуба.—Свадьба.—Поведеніе Дантеса.

Обѣ свояченицы дяди Александра—Екатерина и Александра Николаевны Гончаровы—поселились въ домѣ поэта вскорѣ послѣ его свадьбы, надъ чѣмъ подтрунила моя мать въ письмѣ къ нему изъ Варшавы въ слѣдующихъ строкахъ: «У тебя, какъ вижу, не одна, а цѣлыхъ три жены *). Весною же 1836 года она пи-

*) Довольно грубо надъ этимъ посмѣялся Дантесъ на одномъ балѣ, уви-

шетъ моему отцу изъ Петербурга въ Варшаву, между прочимъ, слѣдующее:

«Александръ былъ у меня сегодня съ его прелестными тремя женами, чѣмъ я была очень обрадована. Вторая его жена—Коко (Екатерина) старше, и еще выше ростомъ первой; хотя и очень хороша собою, но ничто въ сравненіи съ Наташей; зато такъ же добра, какъ и она, и вполнѣ очаровательна. Она всегда сопровождаетъ настоящую жену Александра въ театръ и на вечера, а третья жена — Азинька (Александра)—предпочитаетъ сидѣть

дя Пушкина, входящаго съ женою и свояченицами: «Voilà le pacha à trois queues» («Вотъ трехбунчужный паша»).

Л. П.

дома и няньчиться съ дѣтьми брата».

Лѣтомъ 1836 года моя мать видѣла Дантеса у Пушкина на Каменноостровской дачѣ, и только одинъ разъ.

Чтò Дантесъ сдѣлался идеаломъ Екатерины Николаевны Гончаровой, плѣнивъ ее съ первой встрѣчи, удивляться нечего: красивый, шикарный кавалергардъ кокетничать глазами да краснобайствомъ былъ мастеръ, и свояченица поэта, обвороженная имъ, старалась какъ можно чаще встрѣчаться съ Дантесомъ сначала у зятя, а потомъ и на великосвѣтскихъ вечерахъ, куда выѣзжала съ сестрою.

По мнѣнію Льва Сергѣевича Пушкина, Ф. Ф. Вигеля, П. А. Вяземскаго, В. А. Жуковскаго и Я. И. Сабурова, Дантесъ не оцѣ-

нилъ Екатерины Николаевны; въ противномъ случаѣ, женясь на ней, занялся бы поприлежнѣе если не счастіемъ, то спокойствіемъ ея, которое ни въ грошъ не ставилъ, огорчая жену безсмысленными, да и безцѣльными ухаживаніями за новой свояченицей.

Нѣжнымъ чувствамъ Дантеса къ Екатеринѣ Николаевнѣ дядя Александръ, само собою разумѣется, тоже не вѣрилъ, и говорилъ, что Гекеренъ старшій безсовѣстно лгалъ, утверждая, яко бы его пріемный сынъ посѣщалъ Пушкиныхъ единственно Екатерины Николаевны ради, но долгое время скрывалъ-де отъ него,— Гекерена старшаго,— пламенную къ ней страсть, опасаясь отказа въ родительскомъ благословеніи

нидерландскаго дипломата; ядовитая же насмѣшка Александра Сергѣевича надъ притворнымъ чувствомъ Гекерена младшаго выразилась въ письмѣ къ графу Бенкендорфу — 21 ноября 1836 года *).

Извѣщая въ этомъ письмѣ Бенкендорфа о просьбѣ Гекерена старшаго отсрочить на двѣ недѣли предложенный Дантесу поединокъ, мой дядя выразился такъ:

«Il se trouve, que dans l'intervalle accordé, Monsieur d'Antés devint amoureux de ma belle soeur,

*) Это письмо, не отосланное по адресу, найдено въ карманѣ сюртука моего дяди послѣ поединка. Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій видѣлъ его у секретаря графа Бенкендорфа, г-на Миллера. *Л. П.*

Mademoiselle Gontcharoff, et qu'il l'a demanda en mariage. Le bruit public, m'en ayant instruit, je fis demander à Monsieur d'Archiac (second de Monsieur d'Antés) que ma provocation fut regardée comme non avenue» («Случилось, что въ промежутокъ предоставленной отсрочки, господинъ Дантесъ влюбился въ мою свояченицу, дѣвицу Гончарову, и сдѣлалъ ей предложеніе. Общій слухъ объ этомъ до меня дошелъ, почему я и далъ знать г. Даршіаку (секунданту г. Дантеса), чтобы мой вызовъ (на поединокъ) былъ сочтенъ не состоявшимся»).

Въ этихъ строкахъ сквозитъ, по замѣчанію, сообщенному мнѣ другомъ дяди, покойнымъ Алексѣемъ Николаевичемъ Вульфомъ,—язвительный вопросъ, ка-

кимъ образомъ Дантесъ могъ влюбиться до такой степени въ теченіе двухъ недѣль, послѣ которыхъ предполагался отсроченный обмѣнъ пуль? «Въ тѣхъ же строкахъ кроется,—сказалъ мнѣ Вульфъ,—и заключеніе твоего дяди, что не любовь, а трусость Дантеса подтолкнула его услышать въ чуждой ему православной церкви и на свой счетъ «Исаія ликуй», такъ какъ поединокъ съ Пушкинымъ предстоялъ не шуточный: стрѣляться въ 15 шагахъ, а въ случаѣ промаха продолжать бой до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ соперниковъ не измѣнитъ вертикальному положенію въ пользу горизонтальнаго»...

«Струсилъ одинъ изъ самыхъ искусныхъ стрѣлковъ Кавалергардскаго полка», — закончилъ

Вульфъ,—«а трусость разрѣшилась отъ бремени (la poltronnerie a accouché) и другимъ пошлымъ поступкомъ: заслониться отъ дуэли добрѣйшей Е. Н. Гончаровой, поставивъ ея счастье на карту».

Не выводя о поведеніи Дантеса собственнаго заключенія, и передавая сказанное мнѣ А. Н. Вульфомъ, изложу и мнѣніе моей матери—сестры мученика-поэта,—не усмотрѣвшей въ сватовствѣ Дантеса къ Е. Н. Гончаровой избраннаго имъ якоря спасенія отъ угрожавшаго ему поединка:

«Дантесъ,—говорила она мнѣ,—затѣялъ женитьбу съ бухты-барахты, увѣривъ самъ себя, что сватается по непобѣдимому чувству, о которомъ этотъ 23-лѣтній вѣтрогонъ и понятія не имѣлъ. Это высказалъ ему и старый Ге-

керенъ, давая разрѣшеніе на бракъ послѣ долгихъ колебаній, но затѣмъ самъ пожелавшій устроить поскорѣе не нравившуюся ему сначала свадьбу питомца».

«Любовь Георга Дантеса была, такимъ образомъ, одной лишь вспышкой не отдавшаго себѣ отчета ни въ чемъ юнаго француза,— вспышкой паркетнаго рыцаря: все ему по-русски «трынъ-трава», а по-французски «je ne m'en moque pas mal».

Какъ бы ни было, желаніе Дантеса, раздѣляемое старикомъ Гекереномъ,—уклониться отъ поединка,—на этотъ разъ осуществилось. Ольга Сергѣевна мнѣ разсказывала, что Дантесъ изъявилъ о намѣреніи жениться сначала ея брату-поэту (при отвѣтѣ на вопросъ послѣдняго, почему онъ,

Дантесъ, къ нему пріѣхалъ, когда Пушкинъ отказалъ Дантесу отъ дома, а на другой день сдѣлалъ и письменное предложеніе.

Случаемъ сватовства воспользовались и друзья, и недруги моего дяди: и тѣ и другіе стали ему доказывать, что свадьба его свояченицы уничтожаетъ вызовъ на поединокъ, а графъ Сологубъ, самъ предложившій сперва Пушкину служить ему секундантомъ*), попросилъ его письмомъ 21 но-

*) Послѣ того, какъ Сологубъ пріѣхалъ къ дядѣ по порученію своей тетки Васильчиковой передать полученный ею на имя Пушкина конвертъ, Пушкинъ вскрылъ конвертъ и увидѣлъ въ немъ другой экземпляръ полученнаго имъ раньше анонимнаго пасквиля объ избраніи его, Александра Сергѣевича Пушкина, коадъюторомъ и исторіографомъ ордена рогоносцевъ. *Л. П.*

ября 1836 г. взять вызовъ назадъ. Тогда дуэль предполагалась на Парголовской дорогѣ, въ десяти шагахъ (а не въ пятнадцати, какъ говорилъ мнѣ А. Н. Вульфъ).

Письмо Пушкину Сологубъ заканчиваетъ такъ:

«Изъ разговоровъ я узналъ, что Дантесъ женится на вашей свояченицѣ; если вы только признаете, что онъ велъ себя въ настоящемъ дѣлѣ какъ честный человѣкъ, г-нъ Даршіакъ и я служимъ вамъ порукою, что свадьба состоится. Именемъ вашего семейства умоляю васъ согласиться».

Пушкинъ, не придававшій значенія ни увѣреніямъ Дантеса, ни стоустой молвѣ, отвѣчалъ:

«Прошу гг. секундантовъ считать мой вызовъ недѣйствительнымъ, такъ какъ, по городскимъ

слухамъ, г. Дантесъ женится на моей свояченицѣ; впрочемъ, я готовъ признать, что въ настоящемъ случаѣ онъ велъ себя честнымъ человѣкомъ».

Такимъ образомъ Александръ Сергѣевичъ уступилъ увѣщаніямъ графа Сологуба, и въ особенности собрата по музѣ, В. А. Жуковскаго, который еще прежде хлопоталъ, по ходатайству Гекерена старшаго, объ отсрочкѣ поединка, подъ предлогомъ устройства Дантесомъ домашнихъ дѣлъ.

Все это дошло черезъ графа Бенкендорфа до Высочайшаго свѣдѣнія, и Государь Императоръ Николай Павловичъ выразилъ Пушкину свое удовольствіе о мирномъ исходѣ дѣла, при чемъ сказалъ ему: «Беру съ тебя слово, что если будешь находиться въ

такомъ же положеніи, то все скажешь мнѣ, прежде чѣмъ на что-нибудь рѣшиться».

Помолвкѣ Дантеса обрадовались, кромѣ самой Екатерины Николаевны, обѣ ея сестры, не считая друзей поэта, бывшихъ увѣренными, что со свадьбой погаснетъ и вражда. Но мой дядя не хотѣлъ слышать о мировой, ограничась уничтоженіемъ своего вызова на поединокъ, и разсылкой пригласительныхъ билетовъ на свадьбу.

Бракосочетаніе состоялось, какъ я сказалъ выше, 7 января 1837 года, ровно за 20 дней до поединка,— въ церкви, наполненной кавалергардами, сослуживцами жениха,— конногвардейцами, представителями дипломатическаго корпуса, и лицами высшаго круга обоего пола.

По словамъ Ольги Сергѣевны, не бывшей, впрочемъ, тогда въ Петербургѣ, ея братъ тоже присутствовалъ на свадьбѣ,—иначе поступить не могъ,—но въ домъ новобрачныхъ послѣ вѣнчанья не поѣхалъ, объявивъ своимъ друзьямъ, что ни въ какомъ случаѣ не намѣренъ сближаться съ Дантесомъ. «Упорство Пушкина отравляетъ мнѣ радостный день»,—заявила новобрачная Натальѣ Николаевнѣ, и еще болѣе опечалилась, когда Александръ Сергѣевичъ, не измѣняя, однако, дружескому къ ней расположенію, не отдалъ молодымъ свадебнаго визита.

«Братъ мой,—говорила мнѣ мать,—подалъ этимъ надежду своимъ врагамъ, опасавшимся сначала, что женитьба Дантеса по-

мѣшаетъ достиженію ихъ преступныхъ цѣлей. Впрочемъ, онъ слишкомъ былъ вооруженъ противъ обоихъ Гекереновъ, приписывая анонимные пасквили этимъ двумъ лицамъ, а не настоящимъ авторамъ — іезуиту Гагарину и кривоногому (le bancal) Долгорукову—ненавидѣвшимъ Россію *).

---

*) Ихъ обоихъ обвинялъ въ Варшавѣ и извѣстный юристъ и славянофилъ Вацлавъ Мацѣевскій; хотя католикъ и полякъ, онъ презиралъ Гагарина за переходъ въ католичество, а Долгорукова за ненависть къ своей родинѣ—Россіи, и выразился объ этихъ двухъ субъектахъ моей матери довольно характерно: «Oby dwa są istotami z pod ciemnej gwiazdy» (оба они существа изъ-подъ мрачной звѣзды). *Л. П.*

VI.

Отношенія Пушкина къ Дантесу въ последнее время. — Высшее общество. — Ссора съ Гекереномъ-старшимъ и роковыя ея последствія.

«Враги моего брата,—продолжала сестра поэта,—ободрились: они устраивали ему встрѣчи съ обоими Гекеренами, и въ особенности въ домѣ Карамзиныхъ, гдѣ мой братъ и Дантесъ грызлись между собой какъ собаки (буквальныя слова моей матери), а когда Александръ появлялся въ салонахъ, тогда поклонницы новобрачнаго перешептывались, да ехидно улыбались. На сторонѣ Дантеса очутились и товарищи его кавалергарды и такъ называемая золотая петербургская молодежь, наконецъ нѣкоторыя лич-

ности обоего пола, выговаривавшія брату,—но отнюдь не изъ участія къ нему—неумѣстную ревность Отелло къ новоиспеченному свояку.

«Карамзины благоволили къ брату, но ничего не могли подѣлать. Княгиня же Вяземская распорядилась не принимать Дантеса, когда у подъѣзда будетъ стоять извѣстная швейцару дома Пушкинская карета».

«Брата отстаивала и Е. М. Хитрово *), а графъ Строгановъ свелъ его съ Дантесомъ какъ бы невзначай, съ цѣлью ихъ примирить у себя на обѣдѣ, во время

---

*) Елизавета Михайловна, по первому браку графиня Тизенгаузенъ, дочь генералъ-фельдмаршала князя Михаила Илларіоновича Голенищева-Кутузова Смоленскаго. *Л. П.*

котораго Дантесъ еще болѣе раздразнилъ Александра: сидя противъ Натальи Николаевны, онъ чокнулся съ нею бокаломъ черезъ столъ, а затѣмъ, по своему дурацкому обыкновенію, сталъ упражняться въ плоскихъ каламбурахъ».

По мнѣнію моего дяди Льва Сергѣевича Пушкина, оправданіе Дантеса тѣмъ, что онъ якобы искренно желалъ мира,—построено на пескѣ: занимался-де онъ строченьемъ примирительныхъ писемъ къ Пушкину по науськиваньямъ враговъ поэта, которые именно били на противоположный ихъ эффектъ.

«Дантесъ, — говорилъ Левъ Пушкинъ, — «не былъ до такой степени простъ, чтобы не сообразить, кто его совѣтчики, а его миролюбивыя завѣренія расхо-

дятся съ дѣломъ; сегодня строчитъ записку, а завтра, къ вящшему ликованію подстрекательницъ и подстрекателей, набивается на встрѣчи съ Натальей Николаевной, и, танцуя преимущественно съ нею, расточаетъ ей банальности; ясно послѣ этого, что мой братъ считалъ подобную тактику фиглярствомъ, вслѣдствіе котораго и появились опять подметныя письма».

Сообщая такое мнѣніе дяди Льва, прибавлю отъ себя: казалось, самъ неумолимый рокъ преслѣдовалъ Пушкина: его желаніе выбраться еще осенью 1836 года изъ Петербурга не состоялось; письмо его къ его другу,—крестному отцу старшаго сына поэта—Павлу Войновичу Нащокину о высылкѣ денегъ на поѣздку въ

деревню не застало послѣдняго въ Москвѣ, а Сергѣй Александровичъ Соболевскій, говоря мнѣ объ этомъ обстоятельствѣ,—насколько помню, двадцать лѣтъ спустя послѣ кончины дяди,—выразился такъ:

«Видно, судьба распорядилась, что твой дядя не догадался обратиться заблаговременно ко мнѣ. Зналъ же онъ мой заграничный адрессъ, зналъ и то, что я былъ при деньгахъ. Выслалъ бы я ему изъ Вѣны кредитивъ на имя любого петербургскаго банкира, и дѣло съ концомъ».

Происки враговъ явныхъ и тайныхъ окончательно взорвали Пушкина. Считая главнымъ коноводомъ Гекерена-старшаго, Александръ Сергѣевичъ наноситъ ему сначала тяжкое оскорбленіе

въ гостиной тетки Натальи Николаевны, фрейлины Загряжской и въ ея присутствіи*), а затѣмъ, видя немедленную необходимость развязать исторію оружіемъ, посылаетъ старику Гекерену отчаянное письмо, послѣдствіемъ котораго и былъ смертоносный поединокъ.

---

*) Встрѣтивъ Гекерена-старшаго, Пушкинъ вынулъ изъ кармана примирительное письмо Дантеса, требуя вручить его обратно писавшему: «Не могу принять письма,—отвѣчалъ Гекеренъ, — письмо не ко мнѣ, а къ вамъ». Тогда Пушкинъ бросаетъ Гекерену письмо едва-ли не въ лицо, съ ругательствомъ: «Tu la recevras, gredin!» («Ты получишь его подлецъ»). Такую выходку почтенная хозяйка дома, конечно, одобрить не могла. (См. «Мои воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ». Глава XXXVIII, стр. 427). *Л. П.*

Прижатый къ стѣнѣ этимъ письмомъ, нидерландскій дипломатъ командируетъ къ Пушкину виконта Даршіака съ отвѣтомъ, скрѣпленнымъ и Георгомъ Дантесомъ-Гекереномъ, заявляя, что уполномочиваетъ виконта условиться о поединкѣ между Пушкинымъ и Дантесомъ. Свой отвѣтъ на письмо Александра Сергѣевича Гекеренъ-старшій оканчиваетъ въ запискѣ, доставленной поэту Даршіакомъ, слѣдующимъ образомъ:

«Je saurai plus tard, Monsieur, Vous faire apprecier le respect, dû au caractère dont je suis revêtu, et qu'aucune démarche de Votre part ne saurait atteindre» («Впослѣдствіи, милостивый государь, съумѣю заставить васъ уважать званіе, въ которое я облеченъ, и кото-

рое никакая попытка съ вашей стороны затронуть не можетъ»).

Объ этихъ выраженіяхъ мой отецъ,—зять поэта,—изложилъ мнѣ слѣдующую мысль:

«Придавая фразѣ Гекерена буквальный смыслъ, можно бы повидимому вывести, что Гекеренъ былъ убѣжденъ или въ томъ, что дуэль не состоится, или же въ томъ, что она кончится не въ пользу Дантеса, или же, наконецъ, въ томъ, что она для обоихъ противниковъ окончится благополучно; а потому естественнѣе всего, что дипломатъ написалъ эти слова съ цѣлію лишь ослабить хотя чѣмъ-нибудь нанесенный ему Пушкинымъ ударъ».

Многіе изъ посѣщавшихъ Ольгу Сергѣевну современниковъ и современницъ ея брата-поэта, раз-

сказывали ей, что и тутъ Гекеренъ-старшій разыгралъ комедію: требуя отъ Пушкина серьезнаго поединка съ Дантесомъ, онъ въ то же время расчитывалъ на распоряженіе графа Бенкендорфа накрыть соперниковъ на мѣстѣ; тогда-де Дантесъ не прольетъ ни капли крови, а честь обоихъ Гекереновъ будетъ удовлетворена.

Съ этой-то цѣлью Гекеренъ-старшій,—какъ разсказывали,—получивъ отъ Даршіака свѣдѣніе о часѣ и мѣстѣ дуэли, скачетъ къ Бенкендорфу, но натыкается на такого же врага Пушкина, какъ и самъ; Бенкендорфъ, будто бы обрадовавшись предстоявшей поэту опасности, и ни мало не интересуясь земнымъ существованіемъ Дантеса, выслушиваетъ Гекерена съ притворнымъ участіемъ,

обѣщаетъ ему предупредить дуэль арестомъ враждующихъ, и дѣйствительно: посылаетъ на другой день съ жандармами кого слѣдуетъ, но... не къ мѣсту встрѣчи, а въ противоположную сторону, едва ли не въ Екатерингофъ.

VII.

Нравственное состояніе Пушкина передъ поединкомъ.—Разсказъ его вдовы о дуэли.—Мнѣніе Арендта и другихъ.—Дальнѣйшая судьба Дантеса.—Заключеніе.

Сообщаю свидѣтельство моей покойной матери о душевномъ состояніи ея брата въ предсмертную его эпоху.

При послѣднемъ свиданіи съ нимъ, въ 1836 году, Ольга Сергѣевна была поражена его худо-

бой, желтизной лица, и разстройствомъ его нервовъ. Александръ Сергѣевичъ съ трудомъ уже выносилъ послѣдовательную бесѣду, не могъ сидѣть долго на одномъ мѣстѣ, вздрагивалъ отъ громкихъ звонковъ, паденія предметовъ на полъ; письма же распечатывалъ съ волненіемъ; не выносилъ ни крика дѣтей, ни музыки.

Заявляю кстати, что въ одной изъ моихъ замѣтокъ, появившихся въ 1872 году въ «Русской Старинѣ», я привелъ высказанныя моей матери слова ея брата при послѣдней разлукѣ: «L'existence m'est à charge, et j'espère qu'elle ne durera pas longtemps! je vous dirai mieux: je le sens!» («Жизнь мнѣ въ тягость, и надѣюсь, не долго продолжится. Лучше скажу: чувствую это!»).

Пополняю это слѣдующимъ сообщеніемъ Ольги Сергѣевны, занесеннымъ въ частный мой дневникъ.

«Смутное ожиданіе братомъ ужаснаго чего-то,—говорила мнѣ она,—выразилось и въ его стихахъ, на послѣднемъ лицейскомъ обѣдѣ, которые онъ не могъ прочесть, подавляя рыданія, и въ элегіи: «Пора, мой другъ, пора, покоя сердце проситъ», когда, удрученный мрачными мыслями, мой несчастный братъ жаждалъ покоя вдали отъ непріязненной ему сферы».

Говоря о нравственномъ состояніи Пушкина, отмѣчу слѣдующій отрывокъ письма моей матери къ отцу ихъ,—Сергѣю Львовичу Пушкину,—изъ Варшавы отъ 27-го февраля 1837 года, ровно черезъ мѣсяцъ послѣ поединка:

«...Вчера я получила извѣстіе отъ Евпраксіи Вревской. Вспоминая объ Александрѣ, она пишетъ, что мой братъ за три дня до дуэли былъ особенно грустенъ: со слезами вспоминалъ о васъ, обо мнѣ, о братѣ Леонѣ, жалѣлъ, что никого изъ насъ нѣтъ въ Петербургѣ; обо мнѣ же говорилъ съ большою нѣжностью, очень безпокоился о моей вторичной беременности, и нѣсколько разъ повторялъ: «жаль, очень жаль, что ничего не зналъ объ этомъ въ августѣ».

Описывать поединокъ дяди не стану: разсказанъ подробно другими.

Наталья Николаевна не знала ни о письмѣ своего мужа къ Гекерену-старшему, ни объ отвѣтѣ этой личности, а Пушкинъ,

считая малодушіемъ проговариваться женѣ, избѣгалъ въ послѣдніе три дня оставаться дома, опасаясь, чтобы она не догадывалась о чемъ-то неладномъ. Привожу слѣдующій разсказъ вдовы поэта, сообщенный ею Ольгѣ Сергѣевнѣ, записанный мною еще въ 1853 году:

«Въ день поединка—«это было въ среду» —Пушкинъ*) вышелъ изъ дома спозаранку, не простясь со мною. Ни я, ни Азинька**) еще не вставали; я не удивилась, потому что Пушкинъ говорилъ мнѣ наканунѣ, что чѣмъ свѣтъ уѣдетъ по дѣламъ.

---

*) Тетка всегда называла своего мужа по фамиліи. *Л. П.*

**) Сестра ея, Александра Николаевна Гончарова, впослѣдствіи баронесса Фризенгофъ.

«Прождавъ его до часу, я позавтракала безъ него, велѣла заложить коляску, выѣхала за покупками, сдѣлала потомъ нѣсколько визитовъ, а возвращаясь домой, и не подозрѣвала, что мнѣ попались на встрѣчу въ саняхъ Пушкинъ съ Данзасомъ— его секундантомъ. Ѣхали на дуэль.

«Дома я узнала, что Пушкинъ заходилъ къ себѣ, и что скоро послѣ него пришелъ къ нему Данзасъ. Заперлись въ кабинетѣ. Данзасъ пробылъ недолго, а Пушкинъ, минутъ черезъ десять послѣ его ухода, прошелъ со шляпой въ рукахъ и медвѣжьей шубѣ въ дѣтскую; поцѣловавъ Машу, Сашу, Гришу, благословилъ лежавшую въ кроваткѣ Ташу, и сказалъ нянькѣ: «не буди Ташу,

а барыня пусть дожидается меня къ обѣду».

«Обѣдали мы всегда между пятью и шестью часами. Въ пять часовъ я велѣла накрывать, и отказала постороннимъ, потому что очень утомилась.

«Проходитъ пять часовъ, проходитъ и половина шестого. Пушкина нѣтъ.

«...Стала съ сестрой безпокоиться; затѣмъ...»

...Тутъ слѣдуетъ дальнѣйшій разсказъ моей тетки, какъ появился въ столовую Данзасъ, и какъ принесли раненаго поэта.

«Константинъ Данзасъ,—продолжала моя тетка,—показалъ себя истиннымъ другомъ Пушкина, да иначе и быть не могло. Сейчасъ же поѣхалъ за докторами. Явились Задлеръ, Шольцъ,

Арендтъ; пріѣхали Соломонъ и Даль. Всѣ они подали мнѣ сначала,—разумѣется, опасаясь еще больше меня напугать,—такую надежду, что я возблагодарила Матерь Божію за спасеніе жизни Пушкина. И самъ Пушкинъ меня успокаивалъ, когда я прошла въ его кабинетъ: «Вотъ увидишь, выздоровлю, все пройдетъ, пустяки». Но на другой день, въ четвергъ, окруженный друзьями, сказалъ мнѣ: «Знаю, что ты ни въ чемъ не виновата, ни въ чемъ! Все такъ же люблю тебя, и буду любить тамъ, а ты живи для счастія дѣтей». . . . .

. . . .

Мученія Натальи Николаевны, о которыхъ она избѣгала говорить, были ужасны: «На ея конвульсіи,—говорила Евпраксія Ни-

колаевна Вревская *), — нельзя было смотрѣть слабонервнымъ». При такомъ положеніи вдова поэта не могла присутствовать на печальныхъ обрядахъ, а тѣмъ болѣе сопровождать тѣло изъ Петербурга въ Святогорскую обитель.

«Убѣжденіе Александра въ непорочности жены, — говорила Ольга Сергѣевна,—умѣряло его предсмертныя страданія; это убѣжденіе онъ засвидѣтельствовалъ не только на смертномъ одрѣ, но и въ самый разгаръ ужасной драмы, главнымъ образомъ передъ врагами. Относя виконта Даршіака къ ихъ числу, по своему излю-

---

*) Баронесса Е. Н. Вревская была сестрою друга Пушкина, Алексѣя Николаевича Вульфа. *Л. П.*

бленному афоризму: *«кто не за насъ, тотъ противъ насъ»*, мой покойный братъ сказалъ виконту: «Il y a deux espèces de maris trompés; ceux, qui le sont de fait, savent à quoi s'en tenir; mais le cas de ceux, qui le sont par la grâce du public, est plus embarassant, et... c'est le mien» («Есть два рода обманутыхъ мужей; обманутые на дѣлѣ, знаютъ чего держаться; но положеніе мужей, обманутыхъ лишь милостью публики, затруднительнѣе; и это положеніе—мое»).

Одна изъ знакомыхъ дяди сказала: «Не такъ отнесся бы Пушкинъ къ женѣ, если бы считалъ ее виновной, а порѣшилъ бы съ нею, какъ Отелло съ Дездемоной».

Лейбъ-медикъ Арендтъ заявилъ: «Для Пушкина жаль, что онъ

не былъ убитъ на мѣстѣ, потому что его мученія были невыразимы, но для чести жены его счастіе, что онъ остался живъ; никому изъ насъ, видя его, нельзя сомнѣваться въ ея невинности и въ любви, которую къ ней Пушкинъ сохранилъ».

Отецъ мой, Н. И. Павлищевъ, въ письмѣ къ своей матери отъ 15-го февраля того же 1837 года, между прочимъ, сообщаетъ:

«Враги моего шурина, обрадованные его кончиной, укоряли его въ безумной ревности, злости, кричали, что смерть ему, какъ человѣку безпокойному, подѣломъ; словомъ, эти презрѣнные люди справили Пушкину своего рода «danse macabre» (пляску смерти), а легкомысленному Дантесу le beau monde (большой свѣтъ), а

главное, великосвѣтскія бездушныя барыни—воспѣли панегирики: Дантесъ, дескать, настоящимъ героемъ себя показалъ. Вслѣдствіе такихъ-то отзывовъ, Дантесъ и на судѣ повелъ себя нахально».

По смерти Пушкина лейбъ-медикъ Арендтъ посѣщалъ ежедневно вдову поэта, строго наблюдая, чтобы ее никто не тревожилъ неумѣстными посѣщеніями, причитываніями, да праздными разспросами; благодаря его врачебному искусству, Наталья Николаевна была вскорѣ поставлена въ возможность посѣщать церковь, гдѣ и пріобщиться Святыхъ Тайнъ, а съ началомъ теплаго времени, уѣхала съ дѣтьми къ своему брату,—Д. Н. Гончарову,—въ Калужское помѣстье (Полотняные заводы).

Горько ей было разставанье съ Екатериной Николаевной, послѣдовавшей за своимъ мужемъ,— Дантесомъ-Гекереномъ,—въ чужіе краи. Сестры разлучились навсегда.

Изгнанный изъ предѣловъ Россіи, Дантесъ-Гекеренъ выѣхалъ во Францію, гдѣ при королѣ Людовикѣ-Филиппѣ на него косились, какъ на бывшаго приверженца Карла X-го, а соотечественники его жены не пускали убійцу Пушкина къ себѣ на порогъ.

Не могу не привести при этомъ слышанный мною отъ Ольги Сергѣевны разсказъ, что года черезъ два, послѣ дуэли съ Пушкинымъ, Дантесу прострѣлили на охотѣ нечаянно правую руку—какъ бы въ возмездіе, ниспосланное свыше — за убійство поэта—въ ту минуту, когда онъ указывалъ ею на что-то

своему спутнику. На охотѣ же убитъ въ 1851 году нечаянно выстрѣломъ и бывшій его секундантъ виконтъ Даршіакъ.

Около 1840 года Дантесу удалось, хотя и съ большимъ трудомъ, получить мѣсто во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; въ 1848 году онъ попалъ въ члены парижскаго національнаго собранія, а въ 1852-мъ посланъ былъ со спеціальной миссіей къ посѣтившему тогда Берлинъ Императору Николаю I; но Русскій Монархъ его не принялъ.

Затѣмъ извѣстно, что Дантесъ носилъ во время второй Французской имперіи званіе сенатора, а по послѣднимъ свѣдѣніямъ предсталъ на судъ Божій 23-го октября 1895 г. въ Эльзасскомъ городѣ Сультцѣ.

Жена его скончалась гораздо раньше, оставивъ ему сына и трехъ дочерей; изъ нихъ одна вышла замужъ за Вандаля, бывшаго едва ли не однимъ изъ министровъ Наполеона третьяго.

...О Георгѣ Дантесѣ-Гекеренѣ нашъ поэтъ Тютчевъ выразился въ своемъ стихотвореніи такъ:

Будь правъ, или виновенъ онъ,
Предъ нашей правдою земною,
Навѣкъ онъ высшею рукою
Въ цареубійцы заклейменъ.

Заключаю грустное изслѣдованіе о кончинѣ моего дяди слѣдующей выдержкой изъ письма моей матери къ ея отцу,—Сергѣю Львовичу Пушкину,—изъ Варшавы 19-го сентября 1837 года о разговорѣ между нею и супругою генералъ-фельдмаршала, И. Ф.

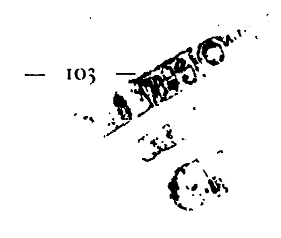
Паскевича (подлинникъ на французскомъ языкѣ):

«Елизавета Алексѣевна меня увѣряетъ, милый папа, что если бы Александръ разстался съ Петербургомъ за два или за три мѣсяца до исторіи, то избѣгнулъ бы несчастія. Ему вовсе не слѣдовало ни ѣхать въ деревню, ни выходить въ отставку, а простона-просто (en tout bien, tout honneur) переселиться сюда, въ Варшаву. Ея мужъ, любимецъ Государя, однимъ почеркомъ пера зачислилъ бы Александра въ свою дипломатическую канцелярію, гдѣ служатъ не только камеръ-юнкеры, но и камергеры, да и многіе другіе старинные русскіе дворяне. Княгиня полагаетъ, что Александру было бы здѣсь гораздо лучше вдали отъ враговъ,

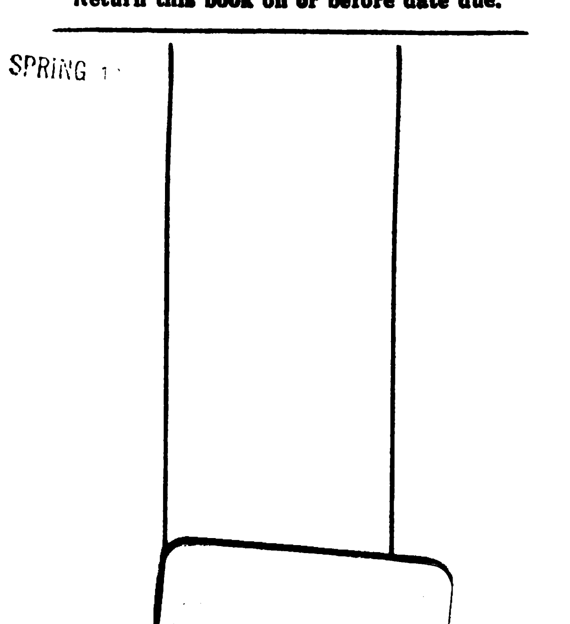
а фельдмаршалъ съумѣлъ бы его защитить. Точно такъ же, какъ и въ Петербургѣ, Александръ посвящалъ бы себя божественному поэтическому дару, не жилъ бы выше средствъ, между тѣмъ какъ въ Петербургѣ истрачивалъ бѣшеныя деньги, и покупалъ себѣ огорченія да несчастія непомѣрной цѣной. «*Вѣрьте мнѣ*,—сказала княгиня,—*если бы я только подозрѣвала ужасный заговоръ непріятелей вашего брата, то съумѣла бы во̀-время избавить его отъ нихъ*»...

Судьбѣ было угодно распорядиться иначе...

Левъ Павлищевъ.

PB-30918-F

SPRING 1